

И вот я к ней приехала по поводу этих мальчишек.. А вот признается мое невреждение или вредительство, я бы еще раньше загнулась, а вот моя халатность. Нас повезли на снабжение рабочих центров. Холодильников нет. Оттепель началась. Все продухло. Побрасали там, зарыли, хлоркой забрасали. Вот и все. Ни рабочих центров, ни молока, ни масла. План не выполняется и вот меня через три месяца за халатность на год принудительных работ. Я не была на этих работах, потому, что прокурор, которого я потом встретила в тюрьме...

Но вот когда я говорю, это головокружение от успехов, я тогда поняла всю эту лицемерность. Никто там от себя ничего на местах не придумывал.

Я ей сказала, Катя, давай обольем супом. Другого выхода нет. Тебя расстреляют. Твоих троих детей и брата, которого за тебя посадили. Его посадят и куда твои дети пойдут? Давай обольем супом. Она отказалась. Но, к счастью, остатки сжигали. Я же ей сказала когда мы в одной камере оказались, что давай мы достойно выйдем из этого испытания. Поскольку уж нас как двух пауков в одну банку засунули.

Так это ничем и не кончилось. Она мне прочла, а я ей ни слова о своих мыслях. Потом, когда нас повезли на Колыму, мы ехали в одном вагоне, но сразу я попала с замечательными женщинами попала на нары, они теперь уже все умерли. Замечательные женщины. Нас было шестеро, я осталась одна. Я моложе всех была и когда везли на Крльму. Варя ее муж директор Макеевского завода, племянник Орджонекидзе. Он участвовал в оппозиции Он долго был полпредом в Англии. Она со мной была в Британском

музее, на могиле Маркса. Она меня, ни книг, ничего в вагоне же не было. Вот она меня водила по Лондону — картинные галереи, в общем замечательно.

Она меня рассказами своими водила, а в Лондоне я никогда не была. Она там долго жила.

А Кулакова, она там и погибла?

— Во Владивостоке у нее была пилагра и ее не повезли в Магадан, потому что она болела. А потом мне наши женщины сказали, что она там умерла.

А вот некоторые от пилагры умирали, а некоторые выживали. Это чему можно приписать?

Видимо просто организму. Она была вообще-то здоровая. Но вот сейчас моя Маруся, все консервирует, а я сейчас, у меня и ноги болят, у меня было два инфаркта и инсульт был.

Кто еще был там из ваших сонарниц.

— Ее довели только до Иркутска. Ее муж был племянником Орджонекидзе, но уже Орджонекидзе застрелился. Я ей говорю.

В Иркутске ее, значит с пакетом конвой: — собирайся с вещами. Она вцепилась в меня: — не забирайте меня от коллектива!

Я ей шепнула, когда пошла провожать к теплушке, к выходу, может тебя отпустят, потому что Берия знал каких-то твоих родственников, А она мне говорит: — Ты с ума сошла — это страшный человек.

И вот когда я узнала о Берии, тогда в 39-м году, по дороге, уже газеты мы получали. Она мне сказала: — Ты выживешь, ты молодая. И передай моему сыну.

Я к сыну достучалась. Как-то мелькнуло в газете его имя Отари Глахалия, она мне рассказывала про голод на Украине, когда

муж ее был директором Макеевского завода, как она не знала что говорить своему девятилетнему сыну по поводу трупов на улицах, умирающих от голода, Она мне сказала тогда – передай ему, ты выживешь. Я к нему достучалась и он мне сказал – когда буду в Москве, зайду. Но желания он встретиться не высказал активного.

– Ну, он бы сам должен был проявить активность какую-то.

– Сначала, когда моя знакомая позвонила в Тбилиси, его жена сказала: – Он ничего знать не хочет. – Такая позиция тоже есть.

– Еще кто с вами был?

– Московская журналистка Ася Гуць. Умерла в первый же год на Крлыме. Они вдвоем с Глохарией, они меня решили живую довести до Колымы. И вот они меня закрывали бушлатом. Там была какая-то партийная работница бывшая и она считала, что она будет давать на нас характеристики. Ну, конечно кому-нибудь она могла давать, Но они очень боялись этих характеристик и не давали мне с ней связываться. Они меня закрывали бушлатом, темную мне устраивали.

А дальше Мира Кезельштейн, умерла несколько лет назад. Ее сын Воробьев, гематолог в Академии медицинских наук. Известный. Она была замечательная женщина. Я с ней долго не виделась в Москве, она в одном месте, я в другом. Потом, когда мои дети болели я вообще ни с кем не встречалась. Никого из своих не нашла. Только металась по аптекам, по больницам, по врачам, да по школам.

Потом Неха Лурье – врач. Муж ее был расстрелян по процессу но не тех врачей, которые после, а раньше еще. Сын ее здесь сейчас, в Москве живет. Она умерла два года назад.

Циля Рубинштейн тоже умерла. Они с Мирой Кизельштейн учились в университете еще. Все умерли. Осталась я одна.

Я была моложе их всех. На десять лет, большое дело в особенности в этом возрасте. Они все оттуда вернулись.

А как вы добирались до Колымы?

— В телячьем вагоне. Кружечка воды. А я очень плохо переносила жару и она мне еще пару глоточков выделяла из своей кружечки. Это Ася Гульц делала. Для меня было большим ударом когда посадили Глохарию, потому что я очень жалела, что я в камере с такой женщиной не попала. А тут было особенно страшно, потому что с глазу на глаз.

Я еще получила пять суток карцера в Ярославской тюрьме. Там пришел какой-то начальник тюремный и я стала говорить, что мы уже год сидим и нам не стирали платьев, что они уже стали, как кора, как металлические стали. Смены нет. Что-то он мне сказал, а я ему: — ну это вы придираетесь ко мне. — Через день мне принесли бумажку: карцер за дерзость начальнику при обходе. Ну посадили меня туда. Там такой треугольничек, вроде нары такие низкие, параша и там не ходить нельзя. Оставили белье, дали солдатскую шинель, это была военная тюрьма и папаху из искусственного меха. На хлеб и на воду. Мне эти пять дней показались за год. Холод был там страшный. Лето было. Окна там не было, как каменный мешок.

Так я беспорядочно рассказываю. Но вы наверное сто-то для себя уяснили.

8 лет у меня было. 44-й год. В марте у меня кончается восемь лет. Приносят бумажку, что значит, до кончания войны. Война окончилась в 45-м. В 44-м мои восемь лет кончились. Уже кончается война, у меня уже почти девять лет. Опять приносят бумажку — до особого распоряжения. Поздравляли вольнонаемных, относились хорошо, с уважением, что теперь в вашей личной судьбе будут перемены

Такой был Зиновий Михайлович Шварц, вольнонаемный инженер. В котельной я работала.

Но мне приносят другую бумажку – до особого распоряжения. И вот уже сорок шестой год, уже десять лет я отсидела. Там была начальник женского лагеря, она уехала в отпуск, и остался ее заместитель. И вот я со смехом говорю: я этого заместителя удивлю. Все обращаются к _____, а я обращусь к нему

Да, да, первый раз там.

Вы с ней сразу как-то подружились?

Да, у нас сразу как-то наладились отношения. Но вы знаете, я вам скажу, что я потруживала так с ней. Вообще там было второй срок получить запросто было. Вот когда я в Сусумане работала, там была ужасная баба, стукачка Ритка Клотова. Она говорила, что она участница гражданской войны. Но она видимо была украшением "веселого дома" на польской границе. Она по польски знала и она говорила:

– Что вы знаете? Вот я там секреты. Потом она вышла за военного Холодова за участника гражданской войны. Потом она и орден получила. Но она такая интригантка страшная была. Вруша несусветная. Потом, как в Магаданской газете, вижу эта Холодова разговаривает с пионерами. Она говорила, что подведем тебя под расстрел, это она мне говорила. И один раз около моего уха просвистело. Появилась новая начальница, единственная хорошая порядочная женщина. И мне женщины говорят: – Ты так истощена, попроси Милицию, чтобы она тебя подкормила немного. Работы там было много и тяжело, но в столовой кормили. Я пришла к ней. Она меня туда послала, хотя там работали члены семей изменников

изменников Родины. А у меня же тюремное заключение в лагере, но она меня послала. Хорошая женщина. Видит, что я действительно истощена, страшные у меня были нарывы на пальцах. И там, начальник Управления милиции капитан Болдинов, красивый умный человек, чем-то немного по внешности напоминающий Николая Ивановича. И там он так поставил: чтобы не воровали, кормить их официально в столовой. Я там поломойкой была, полы я там мыла до бела эту заплыванную милицию и относились сотрудники, я боялась, что они будут подчеркивать, мол "контрики", а они уважительно относились, потому, что видели, что работают на совесть, что они там думали, контрики или нет, это дело темное. Разговаривать об этом не принято. Но относились хорошо. И вот всегда, когда я убирала кабинет начальника этого капитана Логинова, то полагалось в присутствии шофера или постового, который приходил и сидел. Причем шофер пел песни из новых фильмов. Я убираю, а он дирижирует линейкой, рассказывает мне о новых фильмах, словом развлекает. Относились, я говорю, хорошо.

У меня утром на вахте содрали, ~~ни~~ я же молодая была, хотелось за несколько хлебных пайков вышили мне тюбетейку красиво. А в тюбетейке не полагалось ходить через вахту, надо в платке ходить а я в тюбетейке. Он у меня ее сорвал чуть ли не с волосами, у меня косы были. И я ужасно разгневанная пришла на работу. Сердито бегаю во время уборки. А этот новый конвоир меня никогда не видел то есть милиционер новый со двора, который охранчет во дворе, а его полагалось звать когда не было шофера. И он говорит:

— Чего ты такая сердитая?

— А я говорю: — Да вот дундук с утра разозлил, содрал тюбетейку.

Он чего то взял бумагу, пишет что-то. Ну пишет, а я внимания не обращаю. Потом прихожу мыть дежурку, а там сидит заместитель начальника уголовного розыска.

Он мне говорит: - Тося, что вы наделали? Было такое хорошее дежурство, ни одного происшествия, а теперь вот тут это. Я выбросить это сочинение не могу. Вы понимаете, что вы наделали? Он же все тут пишет.

И тут я поняла, что он строчил-то про эту тубетейку. Я пошла в кабинет начальника уголовного розыска, разрежала палец о стекло, кое-как замотала. Побежала к следовательнице, которая ко мне хорошо относилась. Я говорю: - Нина Яковлевна что мне делать? Вот так и так. Этот парень оказался бывший ВОХРовец, милиционер новый только оттуда перешел, так что у него к заключенным отношение не такое как здесь. А тут к нам относились, как к хорошо работающим людям.

Она говорит: - Иди к капитану сама, вперед.

Я постучала, зашла, говорю: - Разрешите обратиться. Вот так и так со мной произошло.

Он говорит, я понимаю, вы, конечно в смысле культуры на много голов выше их. Я понимаю, что он вас обидел, но вы же понимаете, говорить дундук человеку... Но он мне обещал, что все уладится. Я мою коридор, а он подходит и спрашивает: - ну как ваш палец, этот капитан, ну я говорю, да вот ничего, кровь уже прошла. А он сказал: ну в суд он не подаст и погрозил мне пальцем. Все-таки люди там были.

Антонина Алексеевна, а какие там были, все таки ведь долгая жизнь, хотя бы основные этапы, как вы на Колыму попали. Вы так весь срок провели на Колыме?

– Да. Весь срок Даже больше – два года сверх срока. Вместо восьми десять. Как ссыльная я там не жила. Только как лагерница. А потом поражение в правах у меня было. Ссылку я не получила. После того, как все освободились, через некоторое время началось высылают, отнимают паспорт и дают срочная ссылка на Колыме. Один за одним. Все наши знакомые, все наши друзья, все уже без паспортов. Ходят два раза в месяц на отметку. И только в радиусе 10-ти километров могут отлучаться. Мы с Верой, с моей подругой, она тоже колымчанка, она сейчас во Франции, шьет картину. Она вышивала картины, у нее хоть легкая работа была, она вышивальщица. Она сказала, что картина пойдет или в музей или в церковь. Мы с ней только вдвоем остаемся. Уже даже при отметке ссыльных в комендатуре, у них всех паспортов нет, а у нас с Верой есть еще. У Веры 8 чистый, а у меня через 17. А они уже все получили ссылку. Даже Женя Гинзбург, которая написала "Крутой маршрут", ее даже в тюрьму сажали в Магадане, чтобы ссылку дать. А остальных вызывали и "собачью справку" как говорили давали.

А тут этот вождь мирового пролетариата. И вот когда я пришла хлопотать о реабилитации, в 54-м году, получила я документ в 56-м году. Я пришла в прокуратуру и в Военной прокуратуре, он меня спрашивает: – Скажите пожалуйста, как вы объясняете, что вы не получили ссылки?

– Знаете что, единственное, что я могу подумать, или мое дело завалилось, или крысы его мсьели.

Он засмеялся и говорит – у нас этого не бывает.

Вот каким-то образом нас двух пропустили.

– Ну и кем же вы тогда считались?

Вообще у меня был паспорт с ограничениями, но паспорт.

— Потому что бабушка, Анна Семеновна, она же потом была в ссылке, жила в Ягодном, и даже когда умер Сталин, она получила возможность ездить к дочери, к моей матери в Караганду. Взяла меня и привезла в Москву. Здесь оставила и опять уехала опять в Магадан. Это было еще в 53-м году. Она еще не имела права жить здесь.

— А как же она смогла уехать с Колымы?

— Ну, как-то она уехала. Нет, она добилась разрешения для дочери, в Караганду. А в Москву, может быть она инкогнито съездила. Я не знаю.

— Но она и в Караганду не могла уехать, раз у нее была ссылка. Никому неинтересно, что у нее там дочь была.

Но она же съездила и еще выхлопотала, чтобы дочь получила разрешение вместе с ней уехать в Магадан. И они обе оказались уже после смерти Сталина, в этом поселке Ягодном.

— Нет, я удивляюсь, это какое-то чудо. Каким чудом она это могла сделать.

— Она была очень упорным человеком. Вот если ей что взбрет в голову, она этого и добивалась.

— Это она просто на очень хорошего человека напала. Потому, что это был нонсенс, какие там поездки в Караганду, когда за 20 километров в Магадан не могли уехать..

Но я единственно что знаю, что это был 53-й год уже. Сталин умер. Это было после смерти Сталина.

— А тут уже наверное ссылки кончились, потому что они перестали отмечаться очень быстро. Был уже доклад Хрущева.

Но ведь все равно, реабилитация-то прошла через несколько лет. Еще тогда реабилитации не было.

— Но я тоже в 54-м году съездила в отпуск. Уже разрешили. Вот, наверное и она так же.

— А где вы там жили?

Последний период мой муж получил комнату. У меня-то была там маленькая комнатка безо всякого отопления, всего шесть квадратных метров. А потом он получил комнату в Магадане. У меня уже двое детей было к тому времени.

Меня тогда прокурор спросил, а чем вы объясняете, что вы не получили ссылки?

Я в Военную прокуратуру пришла в 54-м году в Москве. Я в Москве останавливалась, было целое мученье, Приятельница наша в Магадане, она мне сказала, чтобы я у ее сестры остановилась. А они жили на бульваре в коммунальной квартире. Но это седьмой что-ли этаж? А мой сын выбросил мою шляпу. Я боялась, что он сам выпрыгнет. Я потом за плотиной у одной знакомой магаданской, у нее там домик у матери был свой. Я у них жила. Оказывается она, там когда-то жили студентки и она разоблачала, что они живут без прописки. И мне оттуда пришлось выметаться. Потом я уже за деньги снимала комнату и жила со старшим сыном, с Андрюшей. Еще я заболела, ангиной, потом стаматит, в общем ужасно все было. Но все —таки заявление я в Военную коллегия отнесла. Это было в 54-м году. А реабилитацию я получила в 56-м году.

Потом я вернулась после отпуска и только в 57-м году уехала оттуда. Уволилась. Причем я там натерпелась. Там приезжали договорники без всяких специальностей и все они искали должности, где можно вместо заключенного работать. Нас же сразу. Договорник придет, ну и что делать. И там правая рука начальника КГБ, он был из Грузии. И вот его уже после смерти Сталина, министра юстиции

сослали на Колыму. Я говорит тебе научу как с этими малыми рассчитаться. Про меня говорили:

Они у меня поочереди болели. Ты говорит их должности не уничтожай, должности их ликвидируй, а их не увольняй. Переводи на рабочую сетку.

И вот я работала техником там, а тут меня в рабочие перевели. в сортировщики. Работала я то же самое, только половину денег ни отпуска большого, ничего нет, а вместо меня человека с семилеткой взяли. Он сначала говорил: — Ах, как мне неприятно за вас подписывать, — а потом стал покрикивать, что это у вас, не успел один ребенок поправиться, как второй заболел.

Уехала я с Коломы уже без денег. Что получила, то за самолет заплатила, вот и все. Потому что три года я писала, сражалась с ними. Был заместитель министра золотой промышленности. Он при мне вызвал кадровика и отдал распоряжение, чтобы меня восстановить на моей должности. А они мне — реорганизация, реорганизация и я как дура ждала. А мне надо было сразу написать, что ваше распоряжение не выполняется. И вот поэтому я уехала оттуда без денег.

Маруся, она на севере работала, она начальником планового отдела работала и она с деньгами приехала. Ей там ничего не добавляли. У нее легкая статья. Она там работала по специальности даже когда заключенная была. Она была на воркутинском севере, Кандалакша там.

Она со своими хозяйственными мероприятиями, помещицей стала, Но она звонит мне и обещает приехать, как все там ликвидирует все свои хозяйственные дела.

— Ну, если вы не против, вместе может быть встретимся.

Я не против.

— Мне интересно очень как вы встретитесь. Вы когда вместе встретитесь, вы начнете говорить и у вас что-то еще всплывет в памяти.

— Но я вот смотрю, она очень многое забыла. Я даже удивляюсь. Она на год меня старше, она здоровый человек, но очень многое забыла. Я не знаю, может быть я впечатлительнее была. У нее правда жизнь легче была, поэтому все ушло. А у меня все трудно сложилось.

Антонина Алексеевна, знаете, что еще очень интересно, вы какого происхождения?

Дело в том, что родилась я в Харбине. В 1908 году, меня еще не было на свете, мой отец, ветеринарный вельдшер, он окончил фельдшерскую военную школу и поехал по договору в Харбин. Там он работал ветеринарным фельдшером. Он много там делал разных ветеринарных дел. Ездил в Монголию делать какие-то прививки. Я там училась в начальной школе один год. Мы уже собирались уже уезжать. Моя сестра, она в 17-м году поехала учиться в Москву, в сельскохозяйственные высшие женские курсы галицинские, она на них поступила. Но умер отец, началась революция и она вернулась. А потом в 17-м году умер наш отец. Служить в ветеринарном отделе стала мама. А отец трех месяцев до пенсии не дослужил. Мама получила пенсию бы. А тут семья без всяких средств. А мой отец был умный, интеллигентный человек, несмотря на то, что учился на медные деньги. Он очень много читал, занимался самообразованием. Но он был картежником. И поэтому все, что он зарабатывал, была у нас хорошая квартира и на прививках он зарабатывал много, но он то выигрывал в карты, то проигрывал и в результате после

его смерти семья осталась без средств к существованию. Стали требовать чтобы маму взяли на работу — дети ведь были. А заведующий сказал: — что это фельдшера будут умирать, а я буду их женами замещать. Но все-таки маму взяли на работу. Квартиру большую отцовскую отобрали, дали нам на окраине, на рабочей, в железнодорожном поселке, где машинисты, сцепщики вагонов, стрелочники уборщицы. И вот там дали нам квартиру. А у отца была хорошая трехкомнатная в центре города. А тут нам дали две маленьких комнатки

Сестра еще пыталась в Омске в сельскохозяйственной академии доучиться. Но не вышло. Щитовидка у нее была. Она приехала в 22м году после операции в Харбин и посмотрела как мы живем. Брат не хотел учиться, пропускал школу, книги продавал, учебники. Она испугалась влияния капиталистического города. А мы там были советскими гражданами, как только там появилось консульство. И вот мама в 23-м году уже не могла работать, она была туберкулезная больная, работать она больше не могла. И мы уехали в Омск. Рассчитывали там купить корову. Но никакой коровы уже не на сто было покупать. Тогда была безработица. Сестре помогли ее товарищи устроиться в институт.. Заведующий гебернским земотделом заведовал её сокурсник бывший по сельскохозяйственной академии. Она работала в канцелярии и через два года она вышла замуж, но из-за того что ей целиком вырезали щитовидку, она умерла

И мы остались. А шестнадцатилетнему брату не понравилось в Омске и он убежал в Читу, но там ему не удалось встретиться с харбинцами, на которых он рассчитывал,

А наша мать умерла в 27 году. Брат был безработным, а потом поступил продацом. Он человек был способный, с головой и быстро стал в Центральном универмаге в Новосибирске коммерческим директором.

Пользовался уважением. Но тут уже стали харбинцев хватать. Этому было шестнадцать, а второму брату было девять лет. Умирает мать. Я в техникуме в общежитии живу. Куда его девать? Я была знакома с писательницей Галиной Николаевой. Прочла ее биографию и узнала, что это Галя Валяцкая, с которой я хорошо была знакома в Новосибирске. Ее мать была инспектором Наробраза и в нашем техникуме было много воспитанников деткоммуны и были очень хорошие ребята. И они рассказывали о своем детдоме.

И я попросила мать этой Гали Валяцкой — Галины Николаевой, и она моего брата туда отправила. А там уже не осталось тех людей и от этой коммуны осталось одно название. Воровство, голод, там были замечательные люди раньше и я училась с ними. А потом приехал старший брат из этого детдома забрал его. Взял к себе. И отдал в ФЗУ в Новосибирске. Швейное ФЗУ. Там была замечательная женщина директор. Она вот этого малыша беспризорника, ну что он же 13-ти лет от матери остался. Она его окружила как бы материнской заботой. Потом, когда он окончил швейное ФЗУ, она добилась, чтобы ему дали комнату в хорошем доме, на Трудовой улице, в коммунальной квартире. И она там по комнаткам расселила этих ребят, у которых не было жилья. Парень в общем не свихнулся. Поехал в Ленинградское военное училище поступать, в летное. Мандатную комиссию не прошел — Харбин помешал. Тогда он второй раз, в Пермское — там взяли. Он его окончил и работал бортмехаником в Новосибирском авиаотряде.

А когда в тюрьму, посадили харбинку, она мне простучала, что ее добрашивали о вашем брате младшем. Тут у меня уже сердце упало. Кажется он был где-то в командировке, самолеты получал, Он послал ей поздравительную телеграмму, по какому-то поводу, но уже я поняла — все.

Но оказывается их за два месяца, и того и другого. В общем в 37-м году их посадили. Я вам говорю, как железнодорожников за три дня и как тогда от опытных железнодорожников дорогу очистили, крушений стало еще больше, потому что если те, опытные не справлялись, так эти и тем более.

И так же моих братьев тоже. И все в этой же тюрьме в Новосибирской.

— А когда вы вернулись, вы здесь еще работали?

— Нет, я уже здесь не работала. Дело в том, что все, что мне полагалось получать, я никогда не получала. У меня весь стаж был на вредных работах. Я понимала, что у них учет плохой, сидели дамы, жены начальников и читали романы. Они считали, что заключенные сдохнут и так и никакой учет не нужен. И мне полагалась пенсия. Я там набрала свидетельских показаний, потому что когда был закон о пенсиях, то я понимала, что нужно это сделать. И оказалось, что у меня не хватало трех месяцев до десяти лет. И мне пенсию не дали. У меня болели дети, мне надо было писать Никите и тогда бы он заставил тех найти этот стаж мой. Хотя говорят, что уже на площади изымали и даже до последних лет. Письма, которые во всякие инстанции, на почте были указания, что нужно правителей не утруждать письмами. В 45 лет мне ничего не дали и я получила только в 55 лет на общих основаниях.

Кто работал на Севере, пенсии были льготные и их давали в 50 лет.

Я поступила учиться в 27, окончила в 35-м году. Коллективизация уже к тому времени прошла. Уже всех коллективизировали, все 100%. Уже было головокружение от успехов. Вот тогда я в первый раз поняла, что это все совсем не то. Вот когда прошло головокружение от успехов, что он дурак что ли, чтобы не знать, что творится.

Вот я удивляюсь этой Нине Андреевой.

Ну, это убежденная сталинистка.

Это же кошмар какой-то. Что они там говорят, что тогда не знали. Как это не знали когда брат на брата, людей рядом.

Потом еще такие разговоры, что преступности не было. Ведь была же и тогда преступность.

Нет. Сейчас материальная нужда, она всегда порождает преступность. Все эти социальные, национальные проблемы, это все народные бунты Это же совершенно ясно.

Вот я голодала, но всегда была окружена интересными людьми. А теперь вот тут на скамейке. Что я тут слышу? Господи! Вы знаете, это ужасно все то, что все мои друзья, они хоть где-то бывают, в мемориале, туда, сюда. А я совершенно прикована вот к этой скамейке и ведь когда люди долго живут рядом, они же друг другу надоедают.

Я все время прошу билет на "Крутой маршрут" но все время до меня очередь не доходит.

Ну вот сейчас будет опять, а потом намечается Большой театр. Может мы этот вечер проведем. Так что вы выбирайтесь, конечно.

А ваш сын играет на виолончели, у него вы говорите способности есть.

Ну, я не думаю, что из него что-то получится. А так, для общей культуры. А вообще способности у него есть. Рояль это для нас дорого. А виолончель там дают. А вы с Полиной Степанов-ной давно знакомы?

Нет, не с тех времен. Я ее и по этапу не помню. Она была на Ургене. Но у меня с ней общие друзья - Зоя и другие. Поэтому я с ней уже в Москве встретилась.

Вот вы знаете, мне еще нужно написать. Была такая женщина, которая покритиковала Сталина в 41-м году, сидя в лагере и за это была расстреляна. Это Гай Екатерина /проверить, не ясно/ Это я должна написать. Вот я рассчитываю летом поехать в Эстонию. Там. Я же была три года слепая. Потом мне второй глаз оперировали. Левый у меня совсем плохой, у меня были кровоизлияния в него множественные. И вот поэтому. И мне не могли найти комнату. Только за сто двадцать рублей, а я столько платить не могу. Тут и посуда, и готовка. А у меня уже мало сил и я очень устаю.

А вот с Екатериной Высовской. Начало войны. 1941 год. В лагере убирают радиоприемники и перестают давать газеты. От большого ума, это же лучший способ породить слухи, это лишит людей информации.

Я недолго работала в прачешной. Там мастер был очень умный такой рабочий человек. Он оставлял на рабочем столе развернутую газету на тех новостях, которые больше всего нас волновали. И уходил, чтобы мы могли почитать. Но к сожалению я там работала недолго. Это бластная работа была. Потом я работала на фабрике и уж там никаких газет не было. И в лагере тоже ноль информации.

Кстати, я прочла опровержение ТАСС, я своей подруге сказала: — Женя, это война. Когда было опровержение ТАСС о том, что это маневры. Это было за две недели до начала войны. Это было по моему в конце мая. И она мне ответила: — Да, Тося, вы правы.

И тут мы оказались без информации. Приходит в барак новый этап откуда-то. И одна наша женщина, которую везли вместе со мной, я с ней не в одном вагоне была, но я ее знала в лицо. И она работает на стройке. Я подхожу к ней вечером и говорю: — Знаете, вы работаете на стройке, все-таки вольные там, газеты наверное вам полагаются? Она говорит: — Да — Скажите, что там

Пять минут я с ней поговорила. Она мне сказала что в газетах и плакала при этом. Была очень взволнована, о том, что правительство в Самару переехало, в Куйбышев. Ну, в общем все, что было она мне сказала, то что в газетах было. Вдруг, через двое суток, ночью просыпаюсь — шмон. Через два места она от меня спит на нарах, второй этаж. Шмонают. По фуражкам я поняла кто. А подруга моя лагерная у которой был маленький срок и она освободилась и как раз освободилась в такое время когда никого не освобождали. У нее было СОЕ — социально опасный элемент. То, что у Марии Игнатьевны было. И она мне говорит: — Вот тебе тут одиноко будет сейчас, правда я тут нашла кое-каких людей своих. Вот, она говорит, Леля Дмитриева, Я с ней с Соловков. Она хорошая девочка. Мать ее дрянь, она давала на отца показания, его расстреляли, а Леля хорошая девочка. Тебе она по возрасту ближе и в бараке одном живете все-таки.

И хотя у нас особой дружбы не было, но как-то мы общались. И я говорю ей: — как неприятно _____ сегодня арестовали. А я всего с ней пять минут поговорила и теперь мне неприятно очень. Я ее спросила про газеты. Она мне сказала что там есть.

Проходит три дня, в дом Васькова меня, это КГБ. Меня туда на допрос. Я говорю — не помню о чем я с ней пять минут разговаривала, о каких-то пустяках, не помню. А ему оказывается она уже все доложила. Ну, что мне остается делать? Сказала она то, что было, что действительно в газете написано. На этом кончилось. Проходит некоторое время, везут нас в Ревтрибунал. Меня Людьку и еще одна там, довольно дрянная баба — Муза Дмитриева. Нас вместе везли в Магадан. Ну, все мы друг друга в лицо знаем. Ну с кем-то знакомы. Но со Сеткой я была знакома. Ведут в Трибунал. Привели. Нас посадили в кухню и пока ее допрашивали, нас в кухне держали. А эти

А эти две сидят и стихи читают.

Я говорю, вы что с ума сошли. Я вот сейчас пожалела, что не могу выругаться матом. Только мат мог бы сейчас вас привести в нормальное состояние. Вы, что не понимаете куда нас привели? И вы еще после этого поэзией можете заниматься.

А когда кого-нибудь из нас допрашивали, после этого из зала нас удаляли. Я ответила, что она мне сказала, то, что было написано в газете. Что она сама при этом плакала. Никаких слухов она не сообщала, которые бы не были подтверждены в печати. И это я считаю своим долгом сказать. Тех тоже какие-то пустяки спрашивали. А когда началось чтение обвинительного заключения, тут уж у меня ушки на макушке.. И я поняла в чем дело. Оказывается они в подконвойной бригаде работали на [blank]. И каким-то образом, я то думаю, что с провокационной целью этот журнал был подсунут. Принесли туда в подконвойную бригаду какой журнал? Большевик или Коммунист, не знаю какой тогда был. Журнал со статьей Сталина. И вот эта [blank] созвала там группу бывших партийцев, а она сама была преподавателем кафедры философии в Ростовском университете. Собрала группу бывших партийцев и разделала под орех вот эту статью Сталина. Ее на суд не привели, а читали целый том ее показаний [blank] Умнова. Потом я после суда пришла и Вере, своей подруге. Она мне говорит: - я тебе сейчас покажу, она ко мне вяжется, она работала с моим мужем в "Уральском рабочем", Она технический секретарь, а муж моей подруги был ответственным секретарем. Она говорит, ко мне все время вяжется, та баба. И вот эта Мара Умнова все законспектировала, что. А наша подруга с Верой, общая, Лена Томнева, коммунистка, она умирала уже персональным пенсионером, я ее навещала, ездила в Эстонию. Вот с тех

с тех пор каждый год туда ездила. Она уж умерла. Они ее звали тоже, в этот дискуссионный клуб. Но она говорит - я их послала куда по-дальше. Я ей говорю - И правильно сделала.

И вот после этого расстреляли Фаниного брата Ивана Степановича. А он тоже обсуждал там с ними вместе. И Днестровскую. А она там со знанием дела его статью разделала. Но я сидела и думала, что расстреляют меня. Потому что я вспомнила свои тюремные все обвинения, которые я ему предъявляла. Я считала, что мои еще покрепче были. Она с точки зрения теоретической, а я, передо мной прошли все его черные дела.

У меня было три подруги в Новосибирске, когда я училась в школе. Я потом с ними поддерживала отношения. Ира Каретникова. Ее отец он был когда-то эсером

Слышу, зоотехников наших раз, два и обчелся. Уже все вредители. Вот трех я встретила, вот вредители с такими рожицами, по восемнадцать лет. Они окончили на год досрочно. И эти "вредители" получили по десять лет без права обжалования. Так, что у меня счет был к нему большой.

Потом мои ребята, техникумовские рассказывали мне как вымира-ла молодежь в Казахстане в 1931 году. Они ехали с изысканий, можно было с ума сойти: штабеля замерзших трупов. Скот забрали для снабжения рабочих центров, так же сгноили, как на Адае. А они шли и которые дошли до Новосибирска и видели штабеля трупов. Придет казах, мы дадим хлеба, он съест и тут же замертво падает. Истощен желудок. Потом они уже стали выпроваживать, умирать в каком-нибудь другом месте.. Вот они мне это рассказали.

Вот сейчас казахи все это начали вспоминать. Их тоже это коснулось.

— Вот они теперь все это стали вспоминать, казахи. Это их тоже оказывается коснулось.

— Парень, мой поклонник, говорил: Тося, вас очень уважают наши корейцы. — А у нас в Томском университете много училось корейцев. — Они чувствуют ваш подлинный интернационализм.

Но тут дошли слухи, что арестовывают корейцев. Первые партии выселили в Среднюю Азию, еще до всякой войны. Корейцы раньше были выселены. Они там умирали в Казахстане и Узбекистане.

Вот я когда приехала и мне рассказывали эти ребята: зоотехников всех объявили вредителями, с кем мы учились, Всем давали по десять лет. Они то как раз и могли это животноводство спасти, они были большей частью деревенские ребята. Получили хорошее образование. Были убежденными комсомольцами. Вообще в то время было огромное количество искривлений. Например, то, что я была из интеллигентной семьи, это считалось чуть ли не порочным.

Как-то мне прислали из Харбина сведения об отце, о социальной принадлежности. Дело было на каникулах, и мне преподаватель говорит: что долго очень конверт стоял, потому что там стояло КВЖД, а потом, я даже подозреваю какой парень это сделал, украли этот конверт. А там был послужной список моего отца, из которого следовало, что ничего там криминального нет. И этот пакет исчез. Потеряться он никак не мог, потому что он стоял в ящике для почты. Если бы его оттуда не взяли, он бы никуда не мог деться.

У моей подруги, у ее матери, машинистки крайкома партии, был садовый участок. Клубнику она там сажала. И варила себе варенье. Не продавала, если только кому-нибудь из знакомых. Но она была человек больной и поэтому ее приятельница дочка, которая была немножко не в себе, у нее работала. И вот моей подруге

надо было написать биографию. И она все сомневалась как писать про этот участок.

Я говорю: — ну чего тебе писать там нужно? Но у нее была любовь с парнем из нашей же группы, он был секретарем парторганизации одно время и она говорила, что он де мне этого никогда не простит. Какое страшное завихрение было у всех нас. И вот в 28м году ее мать скончалась. А я заболела ангиной и хоронить даже Люсю не ходила. Потом уже после смерти Галины Николаевой она жила там недалеко на Новослободской. Мне бы с ней повидаться. Она бы что-нибудь вспомнила и написала, что не успела написать. Потому, что она бы воспользовалась моими рассказами. Мне Ольга Шлезберг, одна из авторов, говорит: — ты теперь уж не напишешь. — А я все-таки еще не теряю надежды.

— А как она себя чувствует?

— Она мне звонила, говорит ничего. Она на десять лет меня старше.

— Как хорошо она написала, прямо не оторвешься от книги.

— У нее еще напечатано в Ленинграде в каком-то журнале.

— Конечно, вам надо что-то хронологически записать. Потому, что это просто бесценный материал, такие свидетельства. Надо бы сделать какую-то канву, а потом уже по ней писать. Когда, что, где. Может быть я зайду и мы с вами еще запишем.

Я, после того как три года не писала совсем, сейчас как-то снова грамоте приходится учиться. Мало же писать приходится.

— А вы вообще писали такого типа что-нибудь?

— Нет. Мне как раз Ольга говорит: — почему ты не написала?

— — Да потому, что я все время в домашних делах.

— Будут же еще выпуски. Это не последний.

— Вот я смотрю, расстрел Шубина и Курова, Маруся не помнит, а я помню от слова до слова, что они говорили. Я это несу через жизнь, потому, что я считаю себя обязанной. Потому, что ушел человек и о нем ничего не осталось. Человек, которого вырастил детдом. И только потому, что он попал на шахту, в которой взорвался метан, он стал вредителем. Но шахты же взрываются во всем мире. Ведь природа так легко не отдает свои богатства. Хоть мы ее покоряем все время и уже допокорялись... Вы знаете, я собиралась экологией заниматься. Так тогда еще широкая публика не знала с чем это слово едят. Я одно время в университете, по второй специальности, сдавала, сдавала разные предметы, но мне все это было не по характеру. Я биохимией заниматься не буду. И я остановилась к четвертому курсу на экологии. И как раз собиралась ею заниматься. Тогда, я говорю, еще не знали с чем это едят. А сейчас, то что наделали с нашей природой, эта мелиорация это же преступление уголовное. Испортили столько земли.

Зоя Дмитриевна говорит: Тося, вы давно получили образование

Но ведь как бы давно это не было, в жизни бывает только одно образование, если оно есть. Нас заставляли на агрономическом заниматься, хотя я была на молочно-кооперативном, и мне это было совсем ни к чему. Мы протестовали, но нас заставили. Хорошее экономическое образование дали. Сейчас я могу севооборот составить грамотно, ну справочником я воспользуюсь, но сделаю.

А в Новосибирске наверное, природа замечательная была?

Там хорошие земли. Но окрестности большой красотой не отличаются. Но вот куда добирался Николай Иванович /неразборчиво/

Вы знаете, меня в семнадцать лет, мне тогда объяснили, что такое экстенсивное и что такое интенсивное хозяйство. Так вот наш теперешний эколог Госкомприроды, он говорит, что люди, которым сейчас от шестидесяти до скольких-то лет, они все по этим бракованным учебникам. Вот Николай Иванович он типичный экстенсивщик — мы все больше и больше американцев производим энергии. А вот по моему мы в сто раз хуже живем. Это же просто энергия для энергии. Так ему еще теперь надо Катунь. Надо там валюту качать. Вы же ставляете себе, поставят высоковольтную линию передачи, а там крошечное урочище, крошечные там места. Это там надо валюту качать, потому что там природа исключительная.

Когда меня посадили, а брать меня было не с чем. Моя подруга на курс старше, говорит: — Тося, что такое? Сегодня В.В., а так мы называли руководителя нашей кафедры, Виктор Васильевич сволочной человек. Он сидел, потом его выпустили. Мне говорили, что когда была чистка партии, в 34-м году, мне говорила одна учительница, я встретила ее в знакомом доме, что его до революции, рабочие в Кемерово, вывезли из цеха на тачке. Но я не могла об этом сказать, потому, что сведения были из чужих рук. Так она мне сказала: что то на тебя какую-то характеристику кто-то потребовал. И он что-то там писал на тебя. А я не понимала, что на меня потребовали и вот начали стряпать. А придраться он мог вот к чему. Я очень любила Алтай и поэтому я поехала в экспедицию, которая конечно не была научной. Это было восхождение на Белуху и мне очень хотелось побывать на Алтае. Я считала, что я могу себе лето позволить один раз такую роскошь. И вот он написал, что я в халтурную экспедицию поехала

еще там какие-то бляки. В общем накапал. И вот такую характеристику послали на меня.

А до этого он все говорил - кому много дано, с того много и спрашивают.

- Наверное до сих пор эта ваша характеристика хранится в вашем деле. А что Новосибирск из себя тогда представлял?

Новосибирск тогда был строящийся город. Когда в 57-м году летела сюда, или в 54-м я тоже там останавливалась, а вот в 57-м к тому времени город уже совершенно изменился. Он был гораздо меньше. Но уже в то время там было много ВУЗов. И вот наш техникум замечательный, вместо того, чтобы сделать из него институт сразу, растощили по разным маленьким городкам, разделили библиотеку, кабинеты, и в общем всем осталось по пшику. Когда таскали шкафы так выбивали остатки стекол. Преподаватели не поехали, а были прекрасные преподаватели. Были там великолепные лаборатории, так когда здание марксизму-ленинизму передавали, так все эти чудесные лаборатории рушили. Этот техникум был создан после революции. Просто уничтожали то, что сами же создали.

В то время когда я училась ВУЗа ни одного не было. А потом там был строительный институт, потом был планово-экономический. А теперь там открыли медицинский и Университет, но это уже в Академгородке.

А вы знали, что Новосибирск считался ставкой Сталина? Уже в те годы. Там, в случае чего, это тоже было его место.

Знаю, что Эйхе Его жена преподавала в Планово-экономическом институте. Она преподавала вечерникам. Такая видная крупная женщина. Она преподавала математику, она была в

в лагере жен где-то. А его расстреляли..

Он был начальником Николая Ивановича и тот у нему иногда ходил. О нем по разному отзываются. Некоторые говорят хороший человек. А одну я знаю женщину, так она не очень о нем. Он же потом переехал в Москву и тут занял пост кажется наркома земледелия, что-то такое. О переезде в Москву, я это точно знаю.

— Сталин сделал все, чтобы не поднялось это сельское хозяйство. Когда теперь мой младший сын начинает говорить: надо землю отдать... Никто сейчас эту землю брать не будет. Я еще застала колхозы, но не коммуны, а эти сельхоз. Когда я приехала после окончания техникума, на трудодень получали и тогда все еще было ничего. А потом стали выгребать все, даже посевной материал. Ведь если человека не кормить, ну что с ним будет. Так ведь и с колхозом. И когда сейчас говорят о демонтаже, это дикий бред. Потому, что такую страну, как наша фермерские хозяйства не прокормят. Все отбирали, никого не осталось уже и теперь еще хотят, чтобы брали землю. Вот в Прибалтике, там возьмут. А у нас нет. Это не решение вопроса. А вчера в газете "Правда" было. 30 лет в Белорусский был процветающий колхоз. Потом заставили его взять два упавших. Он их вытащил. Вот теперь уже. У никто никуда не бежит. А как ему пришло спастись колхоз свой от всяких нападков, от растощивки.

— Да, теперь трудно представить, как из этого можно выпутаться. Столько лет разоряли.

Но, конечно не раздачей земли. В деревне хорошие люди, но когда они в город приезжают, почему-то они становятся хуже намного. Вероятно это потому, что там стыдно соседей, а здесь никто никого не знает, нет сдерживающих центров.

— Здесь, они чувствуют, что те законы не действуют, а этих они не знают. И им кажется, что здесь вообще нет законов. Они в коммуналках могут вести себя безобразно, громко кричать, не считаться с соседями.

Я говорю одной женщине — национальные отношения сейчас — это голодные бунты.

— Где вы нашли голодных?

Я ей говорю: — знаете что Антонина Андреевна, большая часть страны сидит на голодном пайке. Вот в Ростове вашем, откуда вы приехали, тоже житница. Поэтому не считайте, как у вас в Ростове живут. А как везде ~~жизнища~~ живут. А везде живут плохо — ни масла, ни мяса и вообще ничего нет. Везде карточки. Вот один сталевар говорил: — как он может в горячем цеху работать, если получает пол килограмма в месяц колбасы на себя на одного. Как он может у печи работать.

А тут подошла другая соседка и говорит: — Антонина Андреевна я езжу везде и везде люди сидят голодные.

Сталинизм он и есть такой. У них такая идея, что тогда был порядок и все было вообще.

Кошмар какой-то. Когда Московская региональная группа предложила пакет предложений. Их надо все принимать. А нельзя выдергивать отдельные.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Архив Международного Мемориала
Фонд 2, опись 10, дело 14